

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-84-109>
Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 84–109.
Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 84–109.
<https://ama.sgu.ru/gu>
Научная статья
Article
УДК 94(37)+929

КАТОН МЛАДШИЙ, СЕНЕКА МЛАДШИЙ, ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ: КОНФЛИКТ МЕЖДУ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

В.О. Никишин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, исторический факультет, 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27.

Никишин Владимир Олегович, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира, cicero74@mail.ru.

Аннотация: статья посвящена трем политикам и интеллектуалам – лидеру республиканцев Катону Утическому, воспитателю Нерона Сенеке и другу Траяна Плинию Младшему. Бескомпромиссный борец с тиранией Катон предпочел покончить с собой, нежели принять диктатуру Цезаря. Конформист Сенека, сознательно принявший единовластие и мечтавший о правлении идеального принцепса, был вынужден покончить с собой по принуждению своего недостойного ученика, императора Нерона. Плиний Младший сделал блестящую политическую карьеру и, пережив деспотический режим Домициана, в посвященном Траяну «Панегирике» создал образ «наилучшего принцепса».

Ключевые слова: Катон Младший, стоицизм, Сенека, «наилучший принцепс», Плиний Младший, Траян, «Панегирик».

Для цитирования: *Никишин В.О.* Катон Младший, Сенека Младший, Плиний Младший: конфликт между нормой и реальностью // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 84–109. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-84-109>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

CATO THE YOUNGER, SENECA THE YOUNGER, PLINY THE YOUNGER: CONFLICT BETWEEN NORM AND REALITY

V.O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, Faculty of History, 27, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119192, Russia.

Nikishin Vladimir Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, department of Ancient History, cicero74@mail.ru.

Abstract: the article is devoted to three politicians and intellectuals – the republican leader Cato of Utica, Nero’s tutor Seneca and Trajan’s friend Pliny the Younger. An uncompromising fighter against tyranny, Cato chose to commit suicide rather than accept the dictatorship of Caesar. The conformist Seneca, who consciously accepted autocracy and dreamed of the rule of an ideal princeps, was forced to commit suicide under the compulsion of his unworthy pupil, emperor Nero. Pliny the Younger made a brilliant political career and, having survived the despot regime of Domitian, created the image of «the best princeps» in the «Panegyric» dedicated to Trajan.

Keywords: Cato the Younger, stoicism, Seneca, «princeps optimus», Pliny the Younger, Trajan, «Panegyric».

For citation: *Nikishin V.O. Cato the Younger, Seneca the Younger, Pliny the Younger: conflict between norm and reality // Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 84–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-84-109>.*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Нормой принято называть некий эталон, правило или образец, действующие в определенной сфере и требующие своего неукоснительного воплощения в жизнь, реальностью же – те явления, которые существуют объективно (материальные) или субъективно (идеальные; их формирует наше сознание). Здесь мы рассмотрим конфликт, обычно возникающий в ситуации, когда объективная реальность в том виде, как она отражается в сознании мыслящего субъекта, вступает в противоречие с неписаной социально-политической нормой, прочно укорененной в том же самом сознании. Речь идет о патриархальном сознании представителей цензитарного общества, каким являлся римский гражданский коллектив эпохи Республики, и о том моральном идеале, который был выработан поколениями римских граждан, создавших то, что мы обычно называем «римским мифом»¹. Представителям интеллектуальной элиты – что на Востоке, что на Западе – в разные периоды истории нередко приходилось выбирать линию поведения в условиях, когда моральный идеал и объективная реальность кардинальным образом расходились между собой. Тогда этим интеллектуалам неминуемо приходилось отвечать на гамлетовский вопрос: «Достойно ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними?» (пер. Б.А. Пастернака). Порой ситуация становилась настолько напряженной, что вопрос ставился ребром: «Быть или не быть», иными словами, уцелеть физически или сохранить себя духовно, пожертвовав своей жизнью во имя того самого морального идеала.

В истории Рима конца Республики – начала Империи можно найти немало примеров того, как по-разному представители правящей и интеллектуальной элиты, оказавшиеся в сходной ситуации, отвечали на вызовы той эпохи, в которую им довелось жить. Героями нашего исследования являются трое *minores*: Катон Младший, Сенека Младший и Плиний Младший, наследники славы, политической и/или литературной, не менее прославленных *maiores*: Катона Старшего, Сенеки Старшего и Плиния Старшего; все трое – незаурядные личности, каждый из них оставил свой заметный след в истории Рима в целом и римской культуры в частности. Они жили в разное время и были очень непохожими друг на друга людьми – прежде всего, по характеру и темпераменту; роднили этих людей высокая культура, образованность и интеллект, а также принадлежность к правящему – сенаторскому – сословию. Драматична была их судьба: «тираноборец» Катон и «конформист» Сенека под давлением обстоятельств покончили с собой, Плиний едва не стал жертвой тирана, уцелев лишь чудом. Жизненный путь и нравствен-

¹ См.: Кнабе 1993: 457 слл.

ный выбор каждого из них по-своему поучительны и по прошествии стольких веков не потеряли своей актуальности.

Обратимся к последнему периоду в истории Римской республики, когда на смену олигархическому режиму неотвратимо шло единовластие. Политическую жизнь в Риме в I в. до н.э. наполняла циничная и беспринципная борьба за власть, сопровождавшаяся коррупцией и интригами. Эта неприглядная реальность была бесконечно далека от тех нравственных норм римской старины, или «обычаев предков» (*mores maiorum*), на которых был воспитан и за которые всю свою сознательную жизнь так горячо ратовал и погиб Марк Порций Катон Младший (Утический). Перманентному политическому кризису он тщетно пытался противопоставить собственный моральный пример, а упомянутым общественным порокам – личную честность и непоколебимую принципиальность. Катон жил так, словно, по выражению Цицерона, был «рожден не для себя, а для отчизны» (Mur. 83. Здесь и далее цит. в пер. В.О. Горенштейна). Недаром современники и потомки видели в нем непреходящий образец гражданской и человеческой добродетели (Cic. Att. II.1.10; Fam. VIII.17.2; Sall. Cat. 54.6; Verg. Aen. VIII. 670; Val. Max. III.4.6; Vell. Pat. II.35; Luc. IX.371; Sen. Ep. XI.10; XXV.6; Plut. Cato Maior. 27; 60; App. BC. II.99). Конфликт между «линией жизни» сурового правдолюбца и идеалиста Катона, с одной стороны, и реальной политической обстановкой, в которой ему приходилось жить и действовать, – с другой, был неизбежен. В чем же он проявился?

Прежде всего в том, что Катон был не просто белой вороной², или «не таким, как все»; эту свою «инаковость» он еще и демонстрировал, ничуть не опасаясь за последствия. Так, блестящая образованность Катона и его любовь к греческой философии (Sall. Ep. II.9.3; Cic. Fam. XV.4.16; Plut. Cato Min. 57.4), скорее всего, вызывали раздражение у многих его сограждан. Надо заметить, что римляне – современники Катона и Цицерона в большинстве своем отрицательно относились к греческим интеллектуалам («гречишкам», *Graeculi*) и их «учености» (Cic. De orat. II.4; 153), что выражалось в насмешках и третировании «ученых» греков, равно как и их последователей из числа римских граждан (Plut. Cic. 5.2). Известно, что дед Цицерона так говорил о римлянах, знавших греческий язык: «Кто лучше всех знает по-гречески, тот и есть величайший негодяй (*ut quisque optime Graece sciret, ita esse nequissimum*)» (Cic. De orat. II.265. Пер. Ф.А. Петровского). И так думал явно не он один.

Однако Катон вовсе не считал нужным скрывать свое увлечение философскими учениями греков (в частности, стоицизмом³) и в значительной степени по этой самой причине заслужил в Риме репутацию

² *Corvus albus* – известная метафора Ювенала (VII.202).

³ В окружение Катона входили греческие философы-стоики: Антипатр Тирский был его наставником, Афинодор из Тарса жил в его доме, Аполлонид находился при нем в последние дни его жизни (Fehrle 1983: 68, 72, 275, 277). Будучи стойком, Катон не опасался своим вызывающим поведением шокировать сограждан: к тому времени он давно уже привык не обращать внимание на свойственные толпе «предрассудки» (δόξα).

чудака: в то время как окружающие носили одеяния ярких расцветок, он, напротив, одевался мрачно и однотонно (Plut. Cato Min. 6.5–6). Кроме того, зачастую Катон появлялся «в общественных местах босой и в тоге на голом теле» (loc. cit. Ср.: ibid. 44; 50). В таком виде в бытность свою претором он даже вершил суд (Val. Max. III.6.7; Plut. Cato Min. 44.1). Подобное поведение носило явно демонстративный характер. Если обратиться к семантическому полю этой модели поведения, то можно со всей определенностью констатировать: тогу без туники Катон носил с целью показать согражданам свою приверженность заветам седой старины⁴. В тех же самых видах он всегда ходил пешком, демонстративно воздерживаясь от передвижения верхом или в лектике (Plut. Cato Min. 5; 9). Характерно, что даже тяжелый переход через африканскую пустыню Катон совершил в пешем строю (ibid. 56). Чтобы оценить по достоинству экстравагантное, вплоть до юродства, поведение Катона (в глазах многих его сограждан оно должно было выглядеть как *insolentia*, т.е. высокомерие), необходимо помнить, что публичность и демонстративность в общественной жизни были традиционны для Рима⁵.

Проблема заключалась в том, что демонстративное поведение Катона Младшего шло вразрез с уже давно укоренившимися в римском обществе и ставшими вполне обыденными («стандартными») моделями поведения, которые, по-видимому, зачастую воспринимались уже как некие неписанные нормы, хотя порой они в корне противоречили пресловутым «обычаям предков» (*mores maiorum*). Возьмем, к примеру, поведение римских должностных лиц, особенно наместников в провинциях: алчность и стяжательство этих людей, рассматривавших делегированные им полномочия как предлог для собственного беззастенчивого обогащения, не знали границ, не говоря уже об их безмерном тщеславии и жажде почестей⁶. На этом фоне Катон выглядел поистине белой вороной: известно, что чужой собственности он не присваивал и в хищении казенных средств замечен не был, даров не принимал, а от заслуженных наград неизменно отказывался (Plut. Cato Min. 8; 39). Во время своего путешествия по городам провинции Азии Катон проявил редкую умеренность и скромность (ibid. 12; 15). Иногда доходило до курьезов: как сообщает Плутарх, когда антиохийцы готовились с помпой встретить Деметрия, влиятельного вольноотпущенника Помпея, Катон вообразил, что пышная встреча готовится для него, и не на шутку рассердился на своих людей, «высланных вперед, которые этому не воспрепятствовали» (ibid. 13. Здесь и далее цит. в пер. С.П. Маркиша). С Кипра Катон, по сообщению Веллея Патеркула, «доставил в Рим гораздо больше денег, чем надеялись» (II.45.5. Пер. А.И. Немировского). Все эти ценности на общую сумму ок. 7000 талантов серебра он передал в казну, что называется, под расписку (Plut. Cato Min. 38–39). О неизменном бескорыстии Катона свидетельствует и такой факт: на

⁴ См.: Кнабе 1981: 90–91.

⁵ Панченко 1990: 73.

⁶ См.: Гвоздева, Никишин 2012: 70 слл.

Кипре он рассорился с друзьями⁷, обидев их недоверием во время продажи с аукциона выморочного имущества покончившего с собой царя Птолемея (ibid. 36). Будучи квестором⁸, Катон навел порядок в государственном казначействе и ревностно взялся за искоренение злоупотреблений (ibid. 16–18). Недаром в Риме говорили, что он «придал квестуре консульское достоинство» (ibid. 17).

Экстравагантность, свойственная многим поступкам Катона, проявилась и в странной истории с уступкой (!) жены известному оратору Квинту Гортензию Горталу⁹, о чем подробно рассказывает Плутарх (Plut. Cato Min. 25). Марция была второй женой Катона и матерью троих его детей (с первой женой, Атилией, Катон развелся из-за ее скандального поведения: ibid. 24). Именно к ней – замужней женщине, матроне! – в один прекрасный день посватался упомянутый Гортензий, мотивировав свой, мягко говоря, странный поступок следующим образом: «Она еще достаточно молода, чтобы рожать, а у Катона уже и так много детей» (ibid. 25). Таким образом, Гортензий попросил у человека, которого он считал своим другом, руки его жены! На первый взгляд, ситуация вызывает как минимум недоумение. К тому же следует учесть, что Гортензию к тому времени уже исполнилось 58 лет, Марции же было около 30¹⁰. Как известно, Катон ответил Гортензию согласием, проявив воистину стоическое великодушие, и оратор женился на Марции (ок. 56 г. до н.э.), которая, вполне возможно, вовсе не была против такой перемены в своей жизни.

Спустя год после смерти Гортензия, а именно в 49 г. до н.э. Катон вновь женился на овдовевшей Марции. За это Цезарь в своем «Антикатоне» обрушился на Катона с обвинениями в корыстолюбии, ведь после кончины Гортензия Марция стала богатой наследницей (Plut. Cato Min. 52. 5–6). Безусловно, подобные подозрения ставили под удар репутацию Катона как человека принципиально чуждого какой бы то ни было корысти. Эта репутация, как мы видели, упорно создавалась им на протяжении десятилетий. По нашему мнению, с юных лет Катон прочно усвоил себе роль «бескорыстного» блюстителя устоев Республики и «обычаев предков» (*mores maiorum*), всячески поддерживал

⁷ Эта история напоминает похожий случай, происшедший с Цицероном в пору его наместничества в Киликии в 51–50 гг. до н.э. Тогда он не только запретил своей свите брать какие бы то ни было подорожные с провинциалов, но и вернул последним ок. 1 млн сестерциев, несправедливо взысканных при его предшественнике, чем заслужил упреки от друзей, которые сочли Цицерона «большим другом казначействам фригийцев и киликийцев, чем нашему» (Att. VII.1.6. Пер. мой). Поступки Катона и Цицерона кардинально расходились с укоренившейся и в умах, и в реальной жизни моделью поведения наместника в провинции, которая юридически являлась собственностью римского народа (*praedium populi Romani*).

⁸ Наиболее убедительной представляется отнесение квестуры Катона Младшего к 64 г. до н.э. (Fehrle 1983: 76 + Anm. 53).

⁹ См.: Никишин 2008: 132 слл.

¹⁰ Flacelière 1976: 295.

это свое реноме и, будучи человеком небедным, вряд ли на излете своей жизни и карьеры «подставился» бы подобным образом. Что же касается подлинной мотивации его довольно странного поведения во всей этой истории с разводом и повторной женитьбой на Марции, то вопрос остается открытым по сей день.

Один из возможных ответов на этот вопрос связан с психологическими особенностями личностей, подобных Катону. В свое время их блестяще охарактеризовал Эрих Фромм: «Бескорыстный человек» «ничего не хочет для себя», «живет только для других», гордится тем, что не считает себя сколько-нибудь значительным. Он бывает озадачен тем, что, несмотря на свое бескорыстие, несчастен, а его отношения с самыми близкими людьми оставляют желать лучшего. Аналитическая работа показывает, что подобный альтруизм не является чем-то отдельным от других симптомов невроза, зачастую он и есть ключевое звено невроза. Пациент парализован своей неспособностью любить или наслаждаться чем бы то ни было и полон враждебности к жизни; за фасадом его бескорыстия скрывается замаскированный изоциренный эгоцентризм»¹¹. Как нам кажется, таким изоциренным эгоцентриком в глубине души и являлся Катон Младший, готовый без долгих раздумий принести в жертву роковой привычке «не быть, а казаться, не жить, а играть» чувства и интересы даже очень близких ему людей.

Продолжая тему бескорыстия, бескомпромиссной твердости и суровой принципиальности (на поверку две последние, как мы увидим ниже, далеко не всегда оказывались таковыми), отметим такой момент: в течение многих лет Катон с фанатичным упорством отстаивал принцип «честных выборов», выступая против ставших к тому времени традиционными «выпрашивания голосов» на форуме и подкупа избирателей. Сам он демонстративно отказался от услуг раба-номенклатора, чем восстановил против себя даже друзей и сторонников (Plut. Cato Min. 8), и, насколько известно, ни разу не дал повода своим оппонентам для обвинений в подкупе граждан во время предвыборной кампании (зная особенности психологического склада Катона, на сей счет можно не сомневаться). Но вот что характерно: не отличаясь политической гибкостью и не желая идти на компромисс ни с кем, твердолюбый консерватор Катон со своей почти безупречной репутацией римлянина времен Фабриция и Курия Дентата в ходе выборов зачастую проигрывал менее щепетильным конкурентам, что не могло не вредить тому делу, которое он так ярко и фанатично отстаивал. По словам С.С. Аверинцева, Катон «имел такой нрав, что не мог ни убеждать толпу, ни привлекать ее к себе, и не имел в государственных делах той влияния, которая возникает от расположения граждан»¹². Преданный «старозаветным и отжившим устоям»¹³, он никогда не угождал и не льстил согражданам с целью получения каких-либо политических дивидендов. Именно за отсутствие гибкости порицал Катона

¹¹ Фромм 2018: 109.

¹² Аверинцев 1973: 186.

¹³ Аверинцев 1973: 226.

такой мастер компромисса и сторонник политической целесообразности, как Цицерон (Mur. 64 sqq.).

Примером того, как гибкость Цицерона победила катоновский ригоризм, является исход процесса Мурены, состоявшегося в конце 63 г. до н.э. Луция Лициния Мурену, избранного консулом на 62 г. до н.э., Катон обвинил в подкупе избирателей. В суде Мурену наряду с Квинтом Гортензием Горталом и Марком Лицинием Крассом защищал Цицерон¹⁴. Поскольку сам факт подкупа избирателей, скорее всего, сомнения не вызывал, Цицерон не стал отрицать очевидное; вместо этого он ловко «переквалифицировал» подкуп в проявление щедрости кандидата по отношению к согражданам, заявив: «Не следует лишать римский плебс удовольствий в виде игр, боев гладиаторов и пиршеств – всего того, что было введено нашими предками, и у кандидатов нельзя отнимать эту возможность проявить внимание, свидетельствующее скорее о щедрости, чем о подкупе» (Mur. 77). Цинично, зато эффективно! Однако главным объектом своих нападок Цицерон сделал катоновский стоицизм, который, по его мнению, лишил такого в высшей степени достойного человека, как Катон, должной гибкости и терпимости к слабостям и недостаткам других людей (ibid. 60–62). Таким образом, речь в весьма деликатной форме шла о том, что в сознании Катона чуждая римскому образу мыслей греческая философская норма преодолела не только реалистическое восприятие действительности, но и исконно римскую, так сказать, «национальную» норму – «обычай предков» (*mores maiorum*). В итоге Мурену оправдали, а Катон проиграл¹⁵.

Цицерон, более трезво и прагматично, нежели Катон, относившийся к окружавшей его реальности, в одном из писем к Аттику констатировал, что Катон, «с наилучшими намерениями и со своей высокой добросовестностью, иногда наносит государству вред» (Att. II.1.8. Здесь и далее цит. в пер. В.О. Горенштейна). И поясняет: Катон «высказывается так, словно находится в государстве Платона, а не среди подонков Ромула» (loc. cit.). Запомним эту исключительно емкую и точную оценку политической деятельности и поведения в быту Катона Младшего. Цицерона, в частности, не устраивало то, что Катон, как правило, поступал вопреки политической целесообразности, действуя «более своей стойкостью и неподкупностью, нежели продуманностью и врожденным умом» (Att. I.18.7). Поэтому, на словах восхищаясь Катоном (Mur. 3; 58; 60; 62. Ср.: Tac. Ann. IV.34.4), за глаза Цицерон порицал его «за отсутствие прагматизма и упрямство»¹⁶. Действительно, для Катона политика было характерно «то отсутствие какого бы то ни было прагматизма, который составляет основу политической мудрости»¹⁷.

¹⁴ См.: Ayers 1953–1954: 245 ff.

¹⁵ См.: Craig 1986: 229 ff. Литературу по теме см.: Spahlinger 2005: 107, Anm. 162–163.

¹⁶ Jones 1970: 192–193.

¹⁷ Salandra 1955: 131–132.

Впрочем, даже такой фанатичный «хранитель римских устоев, твердолобый консерватор»¹⁸, как Катон, не всегда был последователен в своей суровой принципиальности. Бывало, и он уступал соображениям целесообразности; случалось и ему кривить душой, нарушать закон или прибегать к различным уловкам, причем отнюдь не всегда в интересах «дела оптиматов», а порой даже из соображений личного характера! Например, осенью 63 г. до н.э., намереваясь призвать к ответу вновь избранных консулов Юния Силана и Лициния Мурену, добившихся избрания благодаря подкупу избирателей (см. выше), Катон публично поклялся привлечь к суду невзирая на лица всех виновных в этом деле. Однако, как пишет Плутарх, «Силану, который был женат на его сестре Сервиллии, и, следовательно, приходился ему свойственником, он сделал снисхождение и оставил его в покое, а Луция Мурену привлек к суду за то, что тот якобы с помощью подкупа достиг должности вместе с Силаном» (Plut. Cato Min. 21.3–4). Спустя три года во время консульских выборов зять Катона, видный оптимат Марк Кальпурний Бибул, и его сторонники сулили избирателям деньги, причем, по словам Светония, «сам Катон не отрицал, что это совершается подкуп в интересах государства» (Iul. 19.1. Здесь и далее цит. в пер. М.А. Гаспарова). Как говорится, налицо политика двойных стандартов. Неудивительно, что при подобном подходе к делу ситуация с коррупцией в Риме год от года становилась все хуже. В ходе избирательной кампании 54 г. до н.э., по сообщению Аппиана, «бесстыдно царили подкуп и взятка, и сам народ приходил на выборы подкупленным. Иногда случалось, что плата за эпонимные магистратуры достигала восьмисот талантов» (BC. II.19.69. Здесь и далее цит. в пер. С.И. Ковалева). О том же в это же время писал Аттику Цицерон: «Посмотри, как перед комициями в одном месте открыто, трибе за трибой, раздаются деньги, посмотри, как был оправдан Габиний, как приостановка суда и разнузданность во всем позволили диктатуре обрушиться на нас» (Att. IV.19.1).

Выступая в сенате, Катон периодически прибегал к приему обструкции; однажды он «говорил весь день до темноты, тем самым помешав сенату принять решение» (Plut. Cato Min. 31.5). С формальной точки зрения Катон действовал в рамках старинного обычая, который не позволял перебить сенатора во время выступления, однако *de facto* он самым вопиющим образом нарушал процедуру принятия решений, тем самым парализуя саму деятельность сената как важнейшего государственного органа. Известно, что Катон мог говорить целый день без отдыха, обрушивая на слушателей свое тяжеловесное, но на редкость убедительное красноречие (ibid. 5)¹⁹. Видимо, секрет его убедительности заключался в том, что Катон верил в то, о чем говорил; не стоит также сбрасывать со счетов страстность и артистизм, с которыми он обращался к аудитории – достаточно вспомнить его страстную речь на памятном заседании сената 5 декабря 63 г. до н.э., решившем участь

¹⁸ Панченко 1990: 75.

¹⁹ Об ораторском искусстве Катона см.: Nelson 1950: 65 ff.

ближайших соратников Катилины (Sall. Cat. 52). Эта мера была незаконной (казнить римских граждан без суда запрещал даже не один, а целый ряд законов!), но оправданной с точки зрения политической целесообразности: Катон, очевидно, был свято уверен в том, что спасает республику от смертельной угрозы²⁰.

Весной 52 г. до н.э. в обстановке нараставшей анархии он, как сообщает Плутарх, «решил, что лучше теперь, пока еще не дошло до крайности, предоставить Помпею неограниченные полномочия волею и милостью сената и, воспользовавшись самым малым из беззаконий как целительным средством ради спасения государства от величайшей опасности, сознательно ввести единовластие, а не доводить дело до того, чтобы единовластие выросло из мятежа само по себе» (Plut. Cato Min. 47). Катон тогда поддержал инициативу Бибула, предложившего сенаторам санкционировать избрание Помпея единственным консулом (*consul sine collega*: loc. cit.). Очевидно, неформального лидера оптиматов вовсе не смущал тот факт, что подобная мера пролагала путь к бессрочной военной диктатуре, до которой оставалось не более пяти лет! В очередной раз Катон смирился с попранием закона в интересах политической целесообразности осенью 50 г. до н.э., когда в сенате было поставлено на голосование предложение плебейского трибуна Гая Куриона об одновременном сложении полномочий Цезарем и Помпеем. Аппиан пишет: «Когда же Курион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 22 человека ответили отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат...» (BC. II.30. Пер. С.И. Ковалева с исправлением). Плутарх утверждает, что к предложению трибуна²¹ «единодушно присоединился весь сенат» (Caes. 30. Здесь и далее цит. в пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсаква). Однако представителей «партии Помпея и Катона» (Т. Моммзен) решительно не устраивал такой вариант; поэтому голосование было свернуто, а «сенаторы разошлись и надели траурные одежды по поводу такого раздора» (loc. cit.).

В годы гражданской войны Катон, как и прежде, фанатично отстаивал олигархическую республику, вдохновляя своих подчиненных собственным примером: «Сам он в руке свой дротик несет; задыхаются люди, / Он же – пешком во главе: не приказом, примером их учит / Он испытанья терпеть; не сидит, развалившись в повозке / Иль на плечах у бойцов; во сне – он умеренный самый, / Самый последний в питье; когда, отыскавши источник, / Войско к желанной воде теснится, томимое жаждой, – / Пьет, соблюдая черед» (Lucan. IX.587–593. Пер. А.Е. Остроумова). Теперь старый республиканец до крайности щепетильно относился к соблюдению буквы закона, даже если это вредило интересам дела. Так, после битвы при Фарсале (48 г. до н.э.) он с пятнадцатью когортами переправился на Керкиру, где стоял

²⁰ См.: Padilla Arroba, Villena Ponsoda 1986: 123 ss.

²¹ У Плутарха это предложение вносит не Гай Курион, а Марк Антоний (Plut. Caes. 30).

флот, и хотел уступить командование Цицерону как «старшему по званию» (Цицерон был консуляром, тогда как Катон – лишь преториум), но тот, разумеется, отказался, ибо это не входило в его планы (Plut. Cato Min. 55). Вскоре Катону поневоле пришлось взять командование на себя (ibid. 56), однако в Африке он, несмотря на уговоры соратников, все-таки передал свои полномочия консулу Сципиону Назике (ibid. 57). Сципион был бесталанным полководцем; тем не менее в этой тяжелейшей обстановке, когда у республиканцев более не оставалось права на ошибку, Катон сохранил верность своим принципам и добровольно подчинился Сципиону (невзирая на то, что тот был его личным врагом). Результатом явился разгром, постигший республиканцев в битве при Тапсе (46 г. до н.э.). Характерно, что даже в критической ситуации Катон отказался от мысли издать указ об освобождении рабов, чтобы не нарушить право собственности рабовладельцев (ibid. 60). Что называется, пошел на принцип... Закономерным финалом драмы Катона Младшего стало пресловутое «философское самоубийство» в Утике (Val. Max. III.2.14; Ps.-Caes. Bell. Afr. 88; Cic. Tusc. I.74; Off. I.112; Liv. Per. 114; Sen. Suas. VI.2; Plut. Cato Min. 66–71; Caes. 54; App. BC. II.98–99; Flor. II.13.71–72; Dio Cass. XLIII.10–11; Ps.-Aur. Vict. De vir. ill. LXXX.4; Oros. Hist. VI.16.4; Aug. De civ. Dei. I.23). Катону более не было места на политической сцене, он понял это и добровольно ушел, почти безупречно доиграв свою роль до конца.

Что же мы имеем в итоге? Мифологизированный уход из жизни и немеркнувший в веках образ негибавшего борца с тиранией Катона Младшего, пожертвовавшего собственной жизнью во имя свободы и ради спасения олигархической республики. Таким, в частности, его видел Сенека (Ep. XCV.70–71). В заслугу Катону прославленный философ-стоик ставил его последовательность и верность своим идеалам: «Он явил себя одинаковым во всем – в преторской должности и при провале на выборах, при обвинении и в провинции, на сходке народа, в войсках, в смерти. Наконец, когда трепетало все государство, когда по одну сторону был Цезарь, поддержанный десятью легионами и таким же многочисленным прикрытием из иноземных племен, по другую – Помпей, который один стоил всех этих сил, когда эти склонялись к Цезарю, те – к Помпею, – один лишь Катон составлял партию приверженцев республики» (Ep. CIV.30. Здесь и далее цит. в пер. С.А. Ошерова). Сенека героизировал Катона, описывая его как рыцаря без страха и упрека: «Живя в тот век, когда старинная доверчивость была давно отброшена и человеческое хитроумие достигло вершины всякого искусства, он сражался с многоглавым злом честолюбия, с непомерной жаждой власти, которой не мог насытить даже весь земной шар, поделенный на троих; он один выступил против пороков вырождающегося общества, обваливающегося под собственной тяжестью; он стоял, держа на своих плечах рушащееся государство, насколько мог удержать его один человек, до тех пор, пока не рухнул вместе с бременем, которому так долго не давал упасть. Они перестали существовать одновременно, ибо разделить их было бы невозможно, да и кощунственно: ни Катон не пережил свободы, ни свобода – Катона» (Const. 2.2. Пер. Т.Ю. Бородай).

Таким образом, в глазах Сенеки Катон Младший стал чем-то вроде нравственного камертона: так, в его присутствии «народ не позволил себе даже потребовать обычной на Флорарии забавы: чтобы шлюхи сбросили платье» (Ер. ХСVII.8).

Приходится признать, что в результате «философского самоубийства» Катон Младший стал героем республиканской легенды²², подобно тому как героем римской патриотической легенды в свое время стал его прадед, Катон Старший. Таким образом, «катоновских» легенд было две, хотя уже в эпоху Империи легенда, связанная с Катоном Утичским, его жизнью и смертью, совершенно затмила легенду, романтизовавшую образ сурового патриота-государственника Катона Цензора. По мнению В.А. Квашнина, отличающийся чрезмерной суровостью и ригоризмом литературный образ Катона Старшего, в создании которого приняли участие Цицерон, Аттик, Корнелий Непот и Катон Младший, оказал сильное влияние на последнего: Катон перенес на прадеда свои представления об идеальном римляине, которые сформировались у него под влиянием философии стоицизма, и сам *volens-nolens* вошел в роль достойного наследника великого предка²³. В результате в литературной традиции образы двух Катонов как бы «перепутались»²⁴. Но это в литературе, а что же в действительности? Судя по источникам, с юных лет Катон Младший (очевидно, под влиянием семейных преданий и стоического воспитания) твердо усвоил себе определенную систему ценностей и манеру поведения, которых он неукоснительно придерживался до самого конца. Эту поистине фанатичную приверженность усвоенным идеалам и принципам Плутарх метко назвал «одержимостью добродетели (*ἀρετῆς ἐνθουσιασμός*)» (Plut. Cato Min. 26.5). Она была одной из социальных ролей Катона, в которую тот перевоплощался охотно, даже фанатично, по привычке и в силу убеждения, как только оказывался на форуме или переступал порог зала заседания сената.

Несомненно, со временем Катон настолько сроднился и свыкся с этой ролью (сказывались пресловутое катоновское упрямство и стремление всегда и во всем быть последовательным!), что она стала для него главной в жизни. Но не единственной: пожалуй, более приятной была для него роль радушного хозяина и обаятельного, остроумного собеседника, в известном смысле светского человека. Как сообщает Плутарх, «грозный и страшный на ораторском возвышении или в сенате», в личном общении Катон слыл обходительным и приятным человеком, которому было вовсе не чуждо чувство юмора (*ibid.* 21; 46). Наверное, именно тогда, пребывая в кругу друзей и близких, Катон

²² Среди героев римского мифа Катон Младший занял совершенно особое положение (Verg. Aen. VIII.670). О т.н. «катоновской легенде» см.: Goar 1987.

²³ Квашнин 2019: 21–22. Как считает исследователь, «в процессе превращения Катона [Старшего] в символ эпохи и оформления литературно-риторического образа на задний план отошли такие его качества, как красноречие, остроумие, широта кругозора, жизнелюбие» (Квашнин 2019: 19).

²⁴ Квашнин 2019: 20.

позволял себе немного расслабиться и какое-то время побыть, что называется, самим собой: известно, что он был до крайности привязан к друзьям²⁵ и чрезвычайно чувствителен (*ibid.* 3). А потом ему приходилось вновь играть привычную роль, и далеко не всегда дело обходилось без фальши и переигрывания! Недаром Катон Младший пользовался у современников репутацией докучливого ментора и неисправимого резонера: по свидетельству того же Плутарха, в Риме «людей испорченных и разнузданных, но любителей важных и суровых слов в насмешку звали Катонами» (*ibid.* 19).

Трагическая раздвоенность в душе этого чувствительного и ранимого человека, которого современники и потомки считали суровым и непреклонным (*Hor. Carm.* II.1.24; *Lucan.* IX.18; *Plut. Cato Min.* 4), а также очевидный для него разительный контраст между нормой (*mores maiorum*, как он их понимал) и реальностью привели к тому, что Катон запил. По сведениям Плутарха, порой он пил ночи напролет (*Cato Min.* 6). В Риме поговаривали, что даже в суде Катон нередко появлялся, будучи навеселе (*ibid.* 44). Эти слухи враги Катона использовали с целью его дискредитации. В качестве примера можно привести Цезаря с его «Антикатоном». Так, в одном из писем Плиния Младшего читаем: Цезарь «описывает, как люди, встретившись с ним (т.е. с Катоном. – *В.Н.*), застыдились, стянув у него, пьяного, с головы плащ, и добавляет: «Ты мог бы подумать, что не они застигли Катона, а Катон их». Можно ли было воздать Катону больше уважения? Даже пьяный внушал он такое почтение» (*Ep.* III.12.3. Пер. М.Е. Сергеев). Примечательно, что по адресу своего заклятого врага Катон как-то заметил: «Цезарь один из всех берется за государственный переворот трезвым» (*Suet. Iul.* 53.1). Противостоять наступлению тирании Катон не смог. Единственным приемлемым для него выходом из сложившейся ситуации, когда неприглядная реальность в виде диктатуры Цезаря окончательно взяла верх над моральной нормой, не оставив камня на камне от идеалов Катона, стал суицид – *Catonis nobile letum* (*Hor. Carm.* I.12.35–36). В лучших традициях «стоического культа самоубий-

²⁵ Впрочем, эта привязанность заканчивалась там, где начиналась его принципиальность. Ярким примером катонского ригоризма является история с благодарственными молебнами в честь Цицерона, которых тот добивался в ознаменование своих побед в Киликии (*Cic. Fam.* VIII.11.2; XV.5.2; *Att.* VII.1.7). В январе 50 г. до н.э. Цицерон в личном письме просил Катона похлопотать за него перед сенатом по поводу предоставления ему официальных почестей – молебнов и триумфа (*Fam.* XV.4). Заметим, что речь шла о вполне заслуженных наградах! Однако «принципиальный» Катон жестоко разочаровал своего тщеславного друга. В ноябре 50 г. до н.э. Цицерон с раздражением писал Аттику в Рим: «Во всяком случае, он по отношению ко мне был позорно недоброжелателен: он засвидетельствовал мою неподкупность, справедливость, мягкость, добросовестность, о чем я не просил; чего я требовал, в том отказал. Как Цезарь в том письме, в котором он меня поздравляет и обещает все, веселится по поводу несправедливости неблагодарнейшего по отношению ко мне Катона!.. Прости меня: не могу перенести это и не перенесу» (*Att.* VII.2.7).

ства»²⁶ Катон Младший сделал свой осознанный выбор, ставший для него шагом в бессмертие (*Sen. Tranquil. 15*).

Сенеке и Плинию Младшему в известном смысле не повезло гораздо больше, чем Катону: они жили даже не среди «подонков Ромула (*in Romuli faece*)», а среди «подонков тех подонков», когда на смену олигархической республике пришел принципат. Тацит объяснял установление нового строя (27 г. до н.э.) тем, что «в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека» (*Hist. I.1*. Здесь и далее цит. в пер. Г.С. Кнабе). Со временем это событие было осмыслено римскими интеллектуалами как «установление гражданского мира» (*Suet. Claud. 41.2*). Платой за достижение относительной политической стабильности стало перераспределение властных полномочий в пользу принцепса и, соответственно, в ущерб «сенату и народу римскому». Режим личной власти Октавиана Августа лишь отчасти напоминал монархию²⁷, однако уже при его ближайших преемниках монархическая тенденция в эволюции принципата обозначилась достаточно определенно и в дальнейшем неуклонно усиливалась и углублялась. Это был объективный процесс, подготовленный всем предыдущим развитием Рима, превратившегося из небольшой италийской общины в космополитическую империю, в границах которой проживали сотни этносов.

Проблема заключалась в том, что наследники Августа сплошь и рядом нарушали вековые римские традиции. Возьмем, к примеру, проблему вмешательства вольноотпущенников²⁸ и женщин в государственные дела. Как писал о Клавдии Светоний, «все его правление по большей части направлялось не им, а волею его жен и вольноотпущенников, и он почти всегда и во всем вел себя так, как было им угодно или выгодно» (*Claud. 25.5*). Желая угодить императору, сенаторы даровали всесильному вольноотпущеннику Клавдия Палланту преторские знаки отличия²⁹ и 15 млн сестерциев. Калигула и Нерон вызывающе вели себя на публике. Первый экстравагантно одевался и выступал в роли гладиатора, возницы, певца и танцора (*Suet. Cal. 52; 54.1*), второй старался ни в чем не отставать от своего одиозного дядюшки (*Suet. Nero 20–21; 24.2*). Как пишет Светоний, «вид и одеяния его были совер-

²⁶ Griffin 1986: 68. О феномене самоубийства в Риме см.: Hill 2004 (с предшествующей литературой).

²⁷ Я.Ю. Межерицкий довольно удачно определил принципат Августа как «республиканскую монархию» (Межерицкий 1994). Впоследствии он же предложил для обозначения режима личной власти Августа термин «монархия» (Межерицкий 2016: 799).

²⁸ «Многие государи, будучи господами над своими гражданами, были рабами своих отпущенников: они следовали их советам, исполняли их желания, через них выслушивали других, через них вели переговоры; через них выпрашивались претуры, жреческие должности и консульства; мало того, – этих должностей просили у самих отпущенников» (*Plin. Paneg. 88.1*. Здесь и далее цит. в пер. В.С. Соколова).

²⁹ Само по себе вопиющее нарушение всех норм и приличий.

шенно непристойны: волосы он всегда завивал рядами, а во время греческой поездки даже отпускал их на затылке, одевался он в застольное шелковое платье, шею повязывал платком и так выходил к народу, распоясанный и необутый» (Suet. Nero 51). Дело дошло до того, что полоумный деспот³⁰ заставил несколько сот сенаторов и всадников сражаться на арене амфитеатра (ibid. 12.1). Наконец, в 69 г. Вителлий попра «законы богов и людей», назначив должностных лиц на десять лет вперед и объявив себя пожизненным консулом (Suet. Vit. 11.2).

Уже Цезарь заявлял, что «люди должны считать слова его законом» (Suet. Iul. 77). Калигула считал, что может «сделать что угодно и с кем угодно» (Suet. Cal. 29.1). Сам он, безусловно, видел себя царем (ibid. 22.1). Нерон как-то сказал, что, вероятно, «ни один принцепс не знал всей безграничности своей власти» (Suet. Nero 37.3). Утверждая собственное единовластие, Домициан присвоил себе титул «господин и бог» (*dominus et deus*) (Suet. Dom. 13.1–2). Если учесть все это, станет ясно, откуда в «Анналах» Тацита возникла тема «непрестанной гибели»³¹. К концу I в. римская *civitas* как таковая перестала существовать, хотя традиционная (полисная) система ценностей все еще сохраняла свое значение как норма общественной жизни, а «принцепсы, которые, опираясь на военную силу, формировали сами тип своей власти и могли придавать ей тот или иной облик, не считали ее правильной и настоящей, пока она не включалась в исконную систему магистратур, республиканскую традицию управления общиной»³². При Антонинах формирование космополитической монархии завершилось. В этот период «создавался политический климат, при котором принцепс и в собственных глазах, и для империи в целом превращался из римского магистрата в эллинистического царя-бога»³³.

К середине I в. монархическая тенденция в эволюции принципата обозначилась вполне четко и ясно. Игнорировать ее было невозможно; представителям римской интеллектуальной элиты оставалось либо противостоять ей (т.н. стоическая оппозиция в сенате), либо, приняв ее, попытаться «облагородить» режим изнутри. Так началось формирование теории «наилучшего принцепса» (*princeps optimus*), представлявшей собой синтез греческой философской мысли и римской политической традиции³⁴. Согласно этой теории, принцепс «должен быть не тираном, а гражданином, не господином, а отцом, радоваться не рабству, а свободе граждан, быть гуманным, скромным, доступным»³⁵,

³⁰ Несмотря на свои экстравагантные выходки, Нерон был популярен в широких слоях населения империи: после его гибели появилось целых три Лженерона (Suet. Nero 57.2; Tac. Hist. II.8; Dio Cass. LXIX.19).

³¹ Tac. Ann. VI.29.1; Кнабе 1981: 165.

³² Кнабе 1985: 151.

³³ Кнабе 1981: 180.

³⁴ Для римских граждан принцепс – «лучший гражданин» – был «первым среди равных», тогда как для всех остальных он являлся царем, господином, а они – его подданными, т.е., с традиционной греко-римской точки зрения, рабами.

³⁵ Штаерман 1985: 70.

блости законы и обеспечивать общественную безопасность. Активное участие в создании теории «наилучшего принцепса» приняли Луций Анней Сенека и Гай Плиний Цецилий Секунд.

Сенека не только признавал неизбежность установления единовластия (Ven. V.16.4), но и видел в нем единственно возможную форму правления в масштабах огромной Римской державы (Clem. I.4.2). По словам Я.Ю. Межерицкого, философ «отчетливо видел, что монархия – единственное спасение для огромного государства, раздираемого социальными противоречиями, а сенат и знать уже не способны управлять им в силу изнеженности и развращенности»³⁶. Драматические события 24–25 января 41 г.³⁷ показали, что реальной альтернативы принципату нет и возврат к сенатской республике невозможен. В таком случае речь могла идти лишь о том, как усовершенствовать систему единовластия. «Глубокое понимание состояния современного общества побуждало Сенеку не только мириться с монархией, но и обосновывать ее необходимость: единовластие, подчинение самому сильному и лучшему – в природе вещей. Главное, чтобы это был действительно лучший, тот, кто рассматривает свою деятельность как исполнение обязанностей, а не властвование»³⁸. Не предлагая никаких правовых гарантий от произвола со стороны авторитарного властителя, Сенека сосредоточился на идее морального совершенствования самого принцепса. В 56 г. он пишет трактат «О милосердии» (*De clementia*), который, по словам П. Грималья, был призван «убедить сенат, уже привыкший с идеей имперской власти как с необходимостью, принять в качестве монарха Нерона»³⁹. В этом трактате, адресованном Нерону, Сенека создал красочный образ добродетельного «философа на троне», «лучшего гражданина», «первого среди равных», подлинного «отца отечества», попутно изложив свое понимание места и роли принцепса в повседневной жизни Римской державы и ее многонационального населения. В представлении Сенеки «правитель – аналог всеобъемлющего, все соединяющего, всем владеющего высшего принципа, но он не должен нарушать им же установленный закон, права каждого на отдельную ему часть»⁴⁰. Созданный Сенекой идеал «философа на троне» разительно контрастировал с действительностью, примеряясь к которой известный доносчик времен Нерона сенатор Эприй Марцелл высказался так: «Древностью должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями. Я молюсь, чтобы боги ниспосылали нам хороших императоров, но смиряюсь с теми, какие есть» (Tac. Hist. IV.8.2).

³⁶ Межерицкий 1979: 107.

³⁷ После убийства Калигулы сенат и консулы попытались было «провозгласить всеобщую свободу», однако толпа потребовала сохранить принципат (Suet. Claud. 10.3–4). Подробное описание этих событий дает Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (Jos. Ant. Iud. XIX.1–4).

³⁸ Межерицкий 1979: 109.

³⁹ Грималь 2003: 111.

⁴⁰ Штаерман 1985: 65.

Создавая образ идеального принцепса, правящего в согласии с сенатом, Сенека не мог игнорировать абсолютно реальную угрозу злоупотребления властью, которое неизбежно вело к нарушениям законности и возникновению тирании. Разумеется, философ безоговорочно осуждал тиранический режим (Ben. I.10.4; Clem. I.25.3; 26.1–2). По его мнению, подчиняться тирану заставляет страх, который живет в человеке, делая его рабом (Ep. XIV.1–6; LXV.24; CV.7). Прежде всего, это страх смерти⁴¹. Кроме страха, человека поработают повелевающие им страсти (Tranquil. VIII.1–7; X.3–4). Соответственно, лишь поборов собственные страхи и обуздав страсти, можно стать свободным, даже в условиях деспотизма.

Но что же дальше? «Достойно ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление?..». Как и Катон Младший, Сенека был убежденным стоиком. Но если Катон был борцом и активно противостоял той реальности, которая противоречила усвоенной им системе ценностей, то Сенека был конформистом; он выбрал не борьбу, а смирение⁴². Поэтому свобода для него заключалась в добровольном подчинении необходимости (Beat. XV.7). Философ считал, что даже в условиях отсутствия политической жизни (избирательных кампаний, выборов, конкурентной борьбы и пр.) при императорской власти порядочный человек найдет для себя занятие, которое будет полезно обществу: «Если судьба будет превозмогать и ограничивать возможность действий, то пусть безоружный, повернувшись к ней спиной, не

⁴¹ Свободу от страха смерти Сенека рассматривал как подлинную свободу: «Немалый подвиг – победить Карфаген, но еще больший – победить смерть» (Ep. XXIV.10). По его словам, «пока смерть подвластна нам, мы никому не подвластны» (Ep. XCI.21). Философ призывал «размышлять о смерти» и «учиться смерти» (Ep. XXVI.8–10). Ведь, по его мнению, «кто научился смерти, тот научился быть рабом. Он выше всякой власти и уж наверное вне всякой власти» (ibid. 10).

⁴² Сенека не раз вспоминал о Катоне по самым разным поводам и, в частности, в связи с проблемой стяжательства, ведь его самого не раз упрекали в том, что он живет вопреки тем принципам, которые проповедует (Beat. XVIII.1; XX.1). Так, Сенека пытался убедить своих друзей и последователей в том, что истинный философ может позволить себе быть богатым человеком без какого бы то ни было ущерба для философии. В трактате «О блаженной жизни» он обратил к авторитету обоих Катонов: «Марк Катон (Младший. – В.Н.) всегда прославлял Курия и Корункания, да и весь тот век, когда несколько пластинок серебра составляли преступление в глазах цензора; однако сам он имел сорок миллионов сестерциев, поменьше, конечно, чем Красс, но поболее, чем Катон Цензор. От прадеда его в этом сопоставлении будет отделять значительно большее расстояние, чем от Красса, однако если бы ему вдруг достались еще богатства, он бы от них не отказался» (Beat. XXI.3. Здесь и далее цит. в пер. Т.Ю. Бородай). По мнению Сенеки, «мудрец вовсе не считает себя недостойным даров случая: он не любит богатство, однако предпочитает его бедности. Он принимает его, только не в сердце свое, а в дом. Он не отвергает с презрением того, что имеет, а оставляет у себя, полагая, что имущество составит вещественное подкрепление для его добродетели» (ibid. 4).

тотчас спасается бегством, ища укрытия, как будто есть какое-нибудь место, где судьба не могла бы его настичь, но пусть он более расчетливо приобщается к обязанностям и пусть с разбором отыскивает что-либо, в чем он был бы полезен государству. Нельзя быть солдатом? Пусть добивается почетных должностей. Нужно проводить жизнь в уединении? Пусть будет оратором. Приказано молчать? Пусть помогает гражданам молчаливым заступничеством. Опасно даже появляться на форуме? Дома, в зрительном зале, на пиру пусть обратится с речью к честному товарищу, верному другу, сдержанному гостю. Если он лишится гражданской деятельности, пусть выполняет свой человеческий долг. Поэтому мы – люди с благородной душой – не оградили себя стенами одного только Рима, но завязали связи со всем миром и открыто заявили, что отечество для нас – это весь мир, для того чтобы можно было предоставить добродетели более обширное поприще. Тебе преградили доступ к судебной деятельности, тебя не допустили к ораторской трибуне и в народное собрание, оглянись вокруг себя и посмотри, сколь обширнейшая сфера открывается для деятельности, и среди скольких народов. Никогда у тебя не отнимут так много, чтобы не осталось еще больше. Но остерегайся впадать в другую, столь же крупную, ошибку: ты хочешь управлять государством только в качестве консула, притана, суфета или быть глашатаем. Или ты не хотел бы воевать иначе как в должности главнокомандующего или начальника легиона. Даже если другие будут удерживать переднюю линию, а тебя жребий поместит среди триариев, то и тогда сражайся речью, ободрением, примером, храбростью: даже когда отрублены руки, тот в битве находит возможность содействовать своим, кто все же стоит и поддерживает их криком. И ты сделай нечто подобное: если судьба отстранит тебя от первых ролей в государстве, все же стой и помогай криком; если же кто-нибудь наступит тебе на горло, опять-таки стой и помогай молчанием. Никогда не бесполезна деятельность честного гражданина. Он говорит; он находится на виду; он приносит пользу внешним обликом, волей, молчаливым упорством и самой походкой» (Tranquil. IV.2–6. Пер. Н.Г. Ткаченко). Как говорится, комментарии излишни...

Итак, по мнению Сенеки, стоик должен, преодолев страх смерти, спокойно и терпеливо сносить иго тирании, от которого его освободит смерть (Iг. III.16). Проникнутое фатализмом учение Сенеки о преодолении страха смерти предоставляло и гражданам, и подданным возможность пассивного сопротивления императорскому деспотизму. Утверждая, что правители, как и обычные люди, всецело зависят от непостоянной судьбы (Ер. ХСІ.15), а «царский гнев» не должен страшить разумного человека, поскольку «любой раб волен распоряжаться твоей жизнью и смертью» (Ер. IV.8), Сенека внушал своим современникам мысль о том, что власть «плохих» принцепсов, таких как Тиберий или Калигула, далеко не безгранична, поэтому даже в условиях тирании приверженец стоической философии остается свободным. Сохранив-

ший внутреннюю свободу человек свободен от каких бы то ни было привязанностей и готов в любой момент легко расстаться с жизнью⁴³.

Е.М. Штаерман отметила присущее Сенеке «сочетание проповеди покорности и безразличия к форме правления как внешнему обстоятельству с тоской по «свободе» прошлых времен и, можно сказать, завистливое восхищение теми, кто за нее боролся»⁴⁴. Сенека восхищался Сократом, Цицероном, Брутом и, разумеется, Катонем Младшим (не будем забывать, что Сенека и Катон были стоиками). Возможно, в глубине души философ завидовал цельности натуры Катона, позволявшего себе роскошь жить в соответствии со своими взглядами. Злая ирония судьбы заключается в том, что убежденного конформиста Сенеку постиг тот же конец, что и несгибаемого борца Катона – с той лишь разницей, что Катон выбрал «благородную смерть» (*nobile letum*) осознанно и добровольно, а Сенека, как известно, был принужден к ней Нероном. В самоубийстве Катона М. Гриффин видит «обдуманное самоубийство в стоическом вкусе, первый пример политического мученичества»⁴⁵. Этот пример был, как никогда, актуален в последние годы правления Нерона. Именно в это время Сенека обращается к теме самоубийства Катона (Ер. XI.10; XXIV.7; XXV.6; LXX.25; LXXI.10–11; LXXXII.12). В одном из писем к Луцилию философ писал: «Поскольку жалкая жизнь куда страшнее скорой смерти, глуп тот, кто не отказывается от короткой отсрочки, чтобы этой ценой откупиться от большой опасности» (Ер. LVIII.34).

Для Сенеки, которого в свое время П.Н. Краснов назвал «учителем смерти»⁴⁶, самоубийство стало универсальным выходом из любой непростой ситуации⁴⁷ и просто навязчивой идеей⁴⁸. Суицидальные настроения Сенеки обычно объясняют его болезненным темпераментом, склонностью к самоубийству, а также тлетворной атмосферой двора Нерона с присущими ему тревожными ожиданиями драматической развязки⁴⁹. Однако отношение философа к проблеме добровольного ухода из жизни, по-видимому, было обусловлено главным образом его стоицизмом⁵⁰. По словам Сенеки, «спокойная жизнь – не для тех, кто слишком много думает о ее продлении, кто за великое благо считает пережить множество консульств. Каждый день размышляй об этом, что-

⁴³ Таким образом, для стоика проблема политической свободы теряла свою актуальность.

⁴⁴ Штаерман 1985: 63.

⁴⁵ Griffin 1986: 196.

⁴⁶ Краснов 1895: 45.

⁴⁷ Hill 2004: 146–147.

⁴⁸ В старости Сенека признавался: «Часто меня тянуло покончить с собою, – но удержала мысль о старости отца, очень меня любившего. Я думал не о том, как мужественно смогу я умереть, но о том, что он не сможет мужественно переносить тоску. Поэтому я и приказал себе жить: ведь иногда и остаться жить – дело мужества» (Ер. LXXVIII.2).

⁴⁹ Griffin 1976: 388; Sørensen 1984: 198; Droge, Tabor 1992: 36.

⁵⁰ Hill 2004: 151.

бы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком – за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мученьями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют» (Ер. IV.4–5). Соглашательская позиция Сенеки, несомненно, запятнала его репутацию, тогда как *voluntaria mors* философа означала его реабилитацию (хотя бы частичную) в глазах современников и потомков.

Государственный деятель, сенатор, писатель и адвокат, Гай Плиний Цецилий Секунд был типичным представителем той «новой аристократии»⁵¹, которая выдвинулась при Юлиях-Клавдиях. Плинию довелось жить в эпоху, когда Римская империя, официально остававшаяся *res publica restituta*, на деле все более напоминала абсолютную монархию эллинистического типа, а принцепс «постепенно освобождался от власти законов и неуклонно превращался в абсолютного монарха»⁵². В «Панегирике императору Траяну» (100 г.) Плиний, явно имея в виду принципат Домициана, вспоминает о том сравнительно недавнем времени, когда принцепс был «выше законов (*supra leges*)» (Paneg. 65.1). Как и Сенеку, его отличали конформизм и «дистанционное партнерство»⁵³ с авторитарной властью: в 89 г. Плиний был квестором, в 92 г. – претором, в 94 г. – префектом воинской казны. Однако при Домициане не обязательно было принадлежать к стоической оппозиции и открыто выражать несогласие с политическим курсом деспотичного и подозрительного императора, чтобы стать жертвой режима: последовал донос, и лишь смерть тирана, возможно, спасла Плиния от расправы (Plin. Ер. VII.27.14). Ему повезло дожить до прихода к власти Антонин⁵⁴, когда, по словам Тацита, наступило то «на редкость счастливое время, когда можно думать, что хочешь, и говорить, что думаешь»

⁵¹ Hammond 1938: 116.

⁵² Кнабе 1981: 15.

⁵³ Речь идет о стремлении найти способ сосуществования с авторитарным режимом при сохранении определенной степени личной независимости. Вероятно, и Сенека, и Плиний Младший согласились бы с Тацитом, полагавшим, что оптимальная линия поведения «порядочного человека» в условиях единовластия заключается в том, чтобы «идти прямым и безопасным путем где-то посередине между непримиримой непреклонностью и низкою угодливостью» (Ann. IV.20.3).

⁵⁴ С приходом к власти династии Антонинов в лице Марка Кокцея Нервы (96 г.) изменилась не форма принципата, а его содержание: отныне принцепс не на словах, а на деле являлся «первым среди равных» (*primus inter pares*) и правил в согласии с сенатом. Недаром Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий были охарактеризованы в историографии как «пять хороших императоров» (Э. Гиббон). Как известно, при первых Антонинах Плиний Младший достиг весьма высоких постов в служебной иерархии: став при Нерве префектом эрария, в 100 г., при Траяне, он был назначен консулом-суффектом, в 103 г. стал авгуром и в дальнейшем занимал должность смотрителя Тибра, а в 110 г., пользуясь исключительным доверием Траяна, получил ответственное назначение императорским легатом с проконсульской властью в провинцию Вифиния и Понт с задачей проконтролировать расходование финансовых средств на местах (ср.: Plin. Ер. X.18.3).

(Hist. I.1.4). Подлинное восстановление свободы (*libertas*), под которой он понимал участие граждан в управлении государством (Plin. Paneg. 66.2–5), Плиний видел в возрождении «конституционной монархии» времен «хороших» принцев⁵⁵. И Тацит, и Плиний считали, что Антонины сумели совместить такие понятия, как «принципат» и «свобода» (Tac. Agr. 3.1; Plin. Paneg. 36.4).

В «Панегирике» Плиний, лично знавший Нерву и Траяна, еще при жизни получившего официальный титул «лучшего императора» (*optimus princeps*) и «лучшего Августа» (*optimus Augustus*), создал образ идеального принцепа. Он пошел по стопам Сенеки, с той лишь разницей, что идеал Сенеки разошелся с реальностью, и этот конфликт разрешился гибелью блестящего интеллектуала и философа-стоика, тогда как Плинию повезло больше: ему осталось только констатировать полное тождество (разумеется, с известной натяжкой) нормы и реальности, т.е. образа идеального принцепа и принципата Траяна. Власть последнего абсолютна и имеет божественное происхождение (Paneg. 1.3–5; 4.4; 80.3–5), однако Траян добровольно признал над собой верховенство закона (ibid. 65). Отныне принцепс – не только в теории, но и на практике – не бог, не царь и не тиран, а гражданин и «отец отечества», радующий об «общем благе» (ibid. 2.3–4; 7.1. Ср.: Ер. X.58.7). Имея в виду пример Траяна, к которому он обращается в «Панегирике», Плиний констатирует, что «принцепсу надлежит быть как можно более подобным частному лицу» (Paneg. 59.6. Ср.: ibid. 63.6). Соответственно, «наилучший принцепс» соблюдает законность, обеспечивает благополучие, безопасность и «свободу» граждан (ibid. 8.1; 27.1–2; 34.1–5; 36.1–4; 67). «Ахиллесовой пятой» теории «наилучшего принцепа», как и во времена Сенеки, являлось то обстоятельство, что границы пресловутой «свободы» (*libertas*) определялись самим принцепсом, и здесь можно было рассчитывать лишь на его добрую волю. Отсюда с неизбежностью вытекала идея разумного самоограничения верховной власти; в противном случае принципат рисковал превратиться в тиранию (*dominatio*) (ibid. 45.3). Впрочем, принципату Траяна эта опасность явно не грозила; недаром Плиний восхваляет императора за его личную скромность и равнодушие к официальным почестям (ibid. 10.3; 54–55; 58.5), а также за то, что тот не считает империю своей собственностью (ibid. 50) и правит в согласии с сенатом (ibid. 62.3–6).

Надо отдать должное Плинию: несмотря на свою дружбу с Траяном, он не собирался молчать о «множестве недостатков в государстве» (*de pluribus vitiis civitatis*) (Ер. VI.2.9). О том, какого рода были эти «недостатки», свидетельствует одно место из «Эпитомы» Псевдо-Аврелия Виктора, где речь идет о злоупотреблениях прокураторов Траяна в провинциях: «Как говорили, имея дело с зажиточными людьми, один начинал с вопроса: “На каком основании это у тебя?”, другой с вопроса: “Откуда ты это взял?”, третий со слов: “Выкладывай, что у тебя есть!”» (Ps.-Aurel. Vict. Epit. 42.21. Пер. В.С. Соколова). Сам Плиний в бытность свою императорским легатом в провинции Вифиния и Понт (111–

⁵⁵ Hammond 1938: 129.

113 гг.) столкнулся на местах с самыми разнообразными примерами неэффективности управления и коррупции⁵⁶. Последняя, как выясняется, к тому времени пустила свои зловредные корни даже в римском сенате: «На последнем заседании сенат изрек благороднейшие слова: «кандидаты должны не задавать пиров, не посылать подарков, не давать денег на сохранение». Первые два требования нарушали явно и не зная меры; третье – тайком, хотя об этом все хорошо знали» (Ер. VI.19.1–2. Пер. М.Е. Сергеенко).

В такой обстановке Плиний не мог и не желал делать вид, что все в *res publica Romana* обстоит хорошо и ему нечего критиковать. Такова была его гражданская позиция; поборник древней *virtus* и «обычаев предков», Плиний ревностно относился к авторитету (*auctoritas*) сената и весьма болезненно воспринимал те эпизоды, когда сенаторы «теряли лицо» и демонстрировали недостойное заискивание и низкопоклонство перед лицом верховной власти. Яркий тому пример – история с памятником Палланта на Тибуртинской дороге, о чем Плиний упомянул в двух своих письмах (Ер. VII. 29. 1–4; VIII.6.1–17). Речь идет о беспрецедентных почестях, включая знаки преторского достоинства и 15 млн сестерциев, «всеподданнейше» дарованных сервильным сенатом всесильному временщику, вольноотпущеннику Клавдия⁵⁷. Плиний осуждает всех участников этого позорного эпизода не такой уж давней римской истории: «Такова была воля государя, сената, самого Палланта – не знаю уж, как сказать, – что они пожелали выставить на глазах у всех – Паллант свое бесстыдство, свое долготерпение государь, свою низость сенат. Не устыдились даже привести основание для своей подлости, исключительное, превосходное основание: пусть пример паллантовых наград вызовет у других стремление к соревнованию» (Ер. VIII.6.15. Здесь и далее цит. в пер. А.И. Доватура). В самом конце он восклицает с негодованием: «Какое счастье, что моя жизнь не пришлось на то время, за которое мне стыдно так, словно я жил тогда!» (ibid. 17).

О теплых и доверительных отношениях между Плинием Младшим и Траяном свидетельствует их переписка, состоящая из 121 письма: 70 писем Плиния и 51 ответа Траяна⁵⁸. Целью ее публикации было улучшение «публичного имиджа» обоих⁵⁹. Доверительный характер переписки удостоверяется обращением императора «мой дорогой Секунд» (Ер. X.16; 18; 20; 36; 44; 50; 53; 55; 60; 80; 82; 89; 95; 99; 101; 115; 121); характерно, что сам Плиний обращается к Траяну так же, как в старину раб обращался к господину или вольноотпущенник – к своему патрону, т.е. «государь» или «владыка» (*domine*). Титул *dominus* впервые присвоил себе Калигула (Aug. Vict. Caes. 13.3). Тогда это было вызовом общественному мнению, теперь же подобное титулование принцепса быстро прижилось и вошло в обычай. Обращение *domine*

⁵⁶ Levick 1979: 119 ff.

⁵⁷ Само по себе вопиющее нарушение всех норм и приличий.

⁵⁸ Терминологический анализ переписки см.: Coleman 2012: 189–238.

⁵⁹ «Для обоих корреспондентов это было вложение, которое принесло им хорошие дивиденды» (Noreña 2007: 272).

фигурирует в X книге плиниевых «Писем» 82 раза⁶⁰. Из ответов Траяна следует, что император заботился в первую очередь о поддержании боеспособности расквартированных в провинции воинских частей (Ер. X.20.2; 22.2), сохранении финансовой стабильности (Ер. X.24; 55; 109; 111), пресечении злоупотреблений местной администрации (Ер. X.18.3; 38) и обеспечении общественного порядка в провинциальных городах (Ер. X.20.1–2; 34.1).

Из переписки Плиния с Траяном явствует, что, во-первых, в сфере городских финансов в провинциях царил «хронический хаос»⁶¹, и, во-вторых, императорские легаты управляли провинциями, что называется, в ручном режиме: приезжая в тот или иной провинциальный город, Плиний вникал в местные проблемы самого разнообразного свойства, после чего обращался за санкцией к императору⁶². Так, едва прибыв в Прусу, Плиний сообщает Траяну о том, что погрузился в изучение местной финансовой документации, и сетует на вскрытые им злоупотребления (Ер. X.17A.3). Вскоре он сообщает о том, что решил усилить охрану тюрьмы, порученную городским рабам, за счет расквартированной поблизости воинской части, и запрашивает мнение принцепса на сей счет (Ер. X.19.1–2). Затем на рассмотрение императора выносится вопрос о предполагаемом строительстве для жителей Прусы новой общественной бани взамен прежней, «старой и грязной» (Ер. X.23.1. Ср.: 70.1–3); тут же Плиний спешит заверить Траяна, что «деньги на постройку будут» (*ibid.* 2).

Из опустошенной пожаром Никомедии деятельный легат направляет в Рим предложение организовать в городе пожарную команду (Ер. X.33.3). В дальнейшем императору также придется решать вопрос о строительстве в Никомедии нового водопровода (Ер. X.37.1–3), причем Плиний убедительно просил Траяна прислать из столицы инженера-гидравлика и архитектора (*ibid.* 3). После вопроса о снабжении водой вифинской столицы одна за другой возникают проблемы провинциальных «долгостроев»: театр и гимнасий в Никее (Ер. X.39.1–4), общественная баня в Клавдиополе (*ibid.* 5–6), канал близ Никомедии (Ер. X.41.2–5; 61.1–5). Плиний обращается к Траяну как к великому понтифику за разрешением перенести несколько захоронений по просьбе родственников погребенных (Ер. X.68), просит разрешить строительство водопровода в Синопе (Ер. X.90), спрашивает у императора совета в связи со следствием по делу христиан (Ер. X.96.1–10), наконец, просит позволения засыпать клоаку в Амастриде (Ер. X.98.1–2). Этими и им подобными мелочами административной рутины заполнена переписка императорского легата с главой государства, который вникал во все эти

⁶⁰ Впрочем, здесь необходимо иметь в виду, что в эпистолярном жанре обращение *domine* имело нейтрально-уважительный смысл (вроде русского «милостивый государь» или «государь мой»). Обращением *domine* Плиний лишний раз подчеркивал свою близость к императору (Noreña 2007: 248–250).

⁶¹ Noreña 2007: 244.

⁶² О том, какими виделись самому Плинию его задачи как наместника провинции, см.: Plin. Ер. II.12.5; IX.5.3.

мелочи и выносил окончательное решение, терпеливо и обстоятельно разъясняя свою позицию адресату.

В чем же причина такого положения дел? Разумеется, Плиний – императорский легат и отвечает за свои действия непосредственно перед императором. По словам императорского порученца, Траян сам дал ему право обращаться к принцепсу «в сомнительных случаях» (Ер. X.31.1). Если к этому добавить присущую Плинию «болезненную неуверенность в себе»⁶³, отчасти станет ясна причина известной «перестраховки» с его стороны. Кроме того, в одном из своих писем императору Плиний прямо пишет, что толком не знает пределов своих полномочий: «Прошу тебя, удостой меня быть моим руководителем и скажи, чего, по-твоему, мне держаться. Боюсь, как бы не показалось, что я или превысил свою власть, или не воспользовался ею до конца» (Ер. X.47.3). Характерно, что, проверяя финансовую отчетность в Апамее и вместе с тем опасаясь нарушить старинные привилегии местных колонистов, Плиний из соображений все той же перестраховки направляет в императорскую канцелярию протоколы допросов, которым по его распоряжению были подвергнуты апамейские магистраты; при этом он отдает себе отчет в том, что значительная часть изложенного в этих документах не имеет никакого отношения к делу (ibid. 2). Идет ли речь о представительских расходах византийского посла или о просроченных подорожных, Плиний в обязательном порядке запрашивает мнение Траяна: «Прошу тебя, владыка, отпиши мне, что ты думаешь, и удостой или подтвердить мое решение, или исправить мою ошибку» (Ер. X.43.4. Ср.: Ер. X.45). Вместе с тем некоторые вопросы Траян предоставляет Плинию решать самостоятельно (Ер. X.40.1–3; 55; 60; 62; 69; 76; 84; 117).

Таким образом, благодаря переписке Плиния Младшего с Траяном выясняются многие любопытные детали провинциального управления при Антонинах. Римский наместник контролировал деятельность муниципальных властей, по необходимости вмешиваясь в процесс управления или судопроизводства. В эпоху Антонинов наместники в провинциях и местные магистраты действовали параллельно, в чем-то дублируя, в чем-то дополняя друг друга. Это была практика «регулярного взаимодействия»⁶⁴, или сотрудничества⁶⁵. Сложившаяся система управления вполне отвечала интересам обеих сторон – как имперских властей, так и провинциальных элит. Обладая солидным запасом прочности, эта система относительно благополучно функционировала вплоть до кризиса III в., потрясшего самые основы греко-римской средиземноморской цивилизации.

Итак, все наши герои – Катон, Сенека и Плиний – в критические, поворотные моменты своей жизни оказывались в крайне непростой ситуации выбора, когда реальная политическая обстановка разительно отличалась от той нормы, которую вырабатывало и которой

⁶³ Сергеенко 1982: 281.

⁶⁴ Burton 1987: 426.

⁶⁵ См.: Смышляев 1997: 32.

руководствовало сенаторское сословие в повседневной жизни: в эпоху Катона Младшего это была олигархическая республика времен Сципиона Старшего и Катона Цензора, во времена Сенеки и Плиния Младшего – идеальный «сбалансированный» принципат, основанный на гармоничном сотрудничестве «первого гражданина», сознательно идущего на ограничение своей власти, и сената при сохранении традиционной *auctoritas* последнего. Конфликт, возникавший в результате несоответствия нормы и реальности, мог разрешиться по-разному. Особенно интересен в этом отношении пример Катона Младшего. Выступая в роли последовательного консерватора, блюстителя *mores maiorum* и сурового поборника законов и традиций, Катон порой их же и нарушал: законы – во имя политической целесообразности (а иногда даже из соображений личного характера), традиции – вследствие привычки к экстравагантным поступкам, которыми он пытался прокламировать древнюю *virtus* (как он ее себе представлял). Не желая мириться с надвигавшейся тиранией и быть «великодушно» помилованным тем самым Цезарем, которого он считал тираном, грубо поправшим римскую свободу, Катон покончил с собой, хотя, несомненно, имел шанс сохранить свою жизнь, даже попав в руки Цезаря (Plut. Cato Min. 64; 66; 72).

Сенека, напротив, не только смирился с режимом, но и сотрудничал с ним (в последние годы правления Клавдия и в первую половину принципата Нерона); обстоятельства сложились таким образом, что для Сенеки выходом из создавшейся конфликтной ситуации стал суицид по принуждению. Наконец, в жизни Плиния Младшего, который, подобно конформисту Сенеке, успешно адаптировался к условиям деспотического режима и даже сделал в этих условиях неплохую карьеру, конфликт как таковой проявился в 96 г., когда вследствие доноса для Плиния все могло закончиться, как и для Сенеки, принуждением к *mors voluntaria*. Однако Плинию на самом переломе его жизни и деятельности (в возрасте 35 лет!) повезло: Домициана «вовремя» убили, к власти пришел Нерва, и конфликт между нормой и реальностью вроде бы сам собою сошел на нет. При Траяне, казалось бы, норма стала реальностью; в этом «хорошем» императоре нашел свое воплощение образ идеального принцепса, созданный Сенекой в трактате «О милосердии» и Плинием в «Панегирике». Что ж, фактор везения и удачи – не даром римлянами благоговейно почитались божества *Fortuna* и *Felicitas!* – всегда играл и продолжает играть немаловажную роль в жизни не только отдельных людей, но порой и целых государств и народов. Так что изо всех троих *minores* один лишь Плиний Младший, пожалуй, умер счастливым человеком. Воистину, «времена не выбирают, / В них живут и умирают» (А.С. Кушнер).

Литература/References

Аверинцев С.С. 1973. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М. [Averintsev S.S. 1973. Plutarh i antichnaya biografiya: k voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra. Moskva].

- Гвоздева И.А., Никишин В.О. 2012. Древний Рим и Великая Россия: еще раз об имперском мышлении и причинах стабильности великих держав // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Вып. 3–4. Н. Новгород. С. 66–81 [Gvozdeva I.A., Nikishin V.O. 2012. Drevniy Rim i Velikaya Rossiya: eshchyo raz ob imperskom myshlenii i prichinah stabil'nosti velikih derzhav // Al'manakh Slavyano-greko-latinskogo kabineta Privolzhskogo federal'nogo okruga. Vyp. 3–4. Nizhniy Novgorod. S. 66–81].
- Грималь П. 2003. Сенека, или Совесть Империи. М. [Grimal' P. 2003. Seneka, ili Sovest' Imperii. Moskva].
- Квашнин В.А. 2019. Два Катона: возникновение «катоновской легенды» // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. № 2 (13). С. 17–23 [Kvashnin V.A. 2019. Dva Katona: vzniknovenie «katonovskoy legendy» // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie i filologicheskie nauki. № 2 (13). S. 17–23].
- Кнабе Г.С. 1981. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М. [Knabe G.S. 1981. Korneliy Tacit. Vremya. Zhizn'. Knigi. Moskva].
- Кнабе Г.С. 1985. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура древнего Рима / Е.С. Голубцова (ред.). Т. II. М. С. 108–166 [Knabe G.S. 1985. Istoricheskoe prostranstvo i istoricheskoe vremya v kul'ture Drevnego Rima // Kul'tura drevnego Rima / E.S. Golubcova (red.). Tom II. Moskva. S. 108–166].
- Кнабе Г.С. 1993. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М. [Knabe G.S. 1993. Materialy k lekciyam po obshchey teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima. Moskva].
- Краснов П.Н. 1895. Л.А. Сенека, его жизнь и философская деятельность. СПб. [Krasnov P.N. 1895. L.A. Seneka, ego zhizn' i filosofskaya deyatelnost'. Sankt-Peterburg].
- Межеричкий Я.Ю. 1979. Принципат Юлиев – Клавдиев в произведениях Сенеки // Из истории античного общества. Горький. С. 95–109 [Mezherickiy Ya.Yu. 1979. Principat Yuliev – Klavdiev v proizvedeniyah Seneki // Iz istorii antichnogo obshchestva. Gor'kiy. S. 95–109].
- Межеричкий Я.Ю. 1994. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва; Калуга [Mezherickiy Ya.Yu. 1994. «Respublikanskaya monarhiya»: metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta. Moskva; Kaluga].
- Межеричкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. М. [Mezherickiy Ya.Yu. 2016. «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta. Moskva].
- Никишин В.О. 2008. Катон Утический: хранитель устоев и нарушитель традиций // Studia historica. Вып. VIII. М. С. 123–138 [Nikishin V.O. 2008. Katon Uticheskiy: hranitel' ustoev i narushitel' tradiciy // Studia historica. Vyp. VIII. Moskva. S. 123–138].
- Панченко Д.В. 1990. Римские моралисты и имморалисты на исходе республики // Человек и культура: индивидуальность в истории культуры. М. С. 73–80 [Panchenko D.V. 1990. Rimskie moralisty i immoralisty na iskhode respubliki // Chelovek i kul'tura: individual'nost' v istorii kul'tury. Moskva. S. 73–80].
- Сергеенко М.Е. 1982. О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. М. С. 274–282 [Sergeenko M.E. 1982. O Plinii Mladshem // Pis'ma Pliniya Mladshego. Moskva. S. 274–282].

- Смышляев А.А.* 1997. Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. № 3. С. 24–35 [*Smyshlyaev A.L.* 1997. Civilis dominatio: rimskiy namestnik v provincial'nom gorode // Vestnik drevney istorii. № 3. S. 24–35].
- Фромм Э.* 2018. Искусство любить. М. [*Fromm E.* 2018. Iskusstvo lyubit'. Moskva].
- Штаерман Е.М.* 1985. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М. С. 22–105 [*Shtaerman E.M.* 1985. Ot grazhdanina k poddannomu // Kul'tura drevnego Rima. Tom 1. Moskva. S. 22–105].
- Ayers D.M.* 1953–1954. Cato's Speech against Murena // *ClJ*. Vol. 49. P. 245–253.
- Burton G.* 1987. Government and the Provinces // *The Roman World*. Vol. I. L.; N.Y. P. 423–439.
- Coleman K.M.* 2012. Bureaucratic Language in the Correspondence between Pliny and Trajan // *TAPhA*. Vol. 142. P. 189–238.
- Craig C.P.* 1986. Cato's Stoicism and the Understanding of Cicero's Speech for Murena // *TAPhA*. Vol. 116. P. 229–239.
- Droge A., Tabor J.* 1992. A Noble Death. Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. San Francisco.
- Fehrle R.* 1983: Cato Uticensis. Darmstadt.
- Flacelière R.* 1976. Caton d'Utique et les femmes // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Heurgon*. Vol. I. Rome. P. 293–302.
- Goar R.J.* 1987. The Legend of Cato Uticensis from the First Century B.C. to the Fifth Century A.D. Bruxelles.
- Griffin M.* 1976. Seneca. A Philosopher in Politics. Oxf.
- Griffin M.* 1986. Philosophy, Cato, and Roman suicide // *G&R*. Vol. 33. P. 64–77.
- Hammond M.* Pliny the Younger's Views on Government // *HSCPh*. 1938. Vol. 49. P. 115–140.
- Hill T.D.* 2004. Ambitiosa Mors. Suicide and Self in Roman Thought and Literature. N.Y.; L.
- Jones C.P.* 1970. Cicero's Cato // *RhM*. Bd. 113. P. 188–196.
- Levick B.M.* 1979. Pliny in Bithynia – and what followed // *G&R*. 2 Ser. Vol. 26. P. 119–131.
- Nelson H.* 1950. Cato the Younger as a stoic orator // *CW*. Vol. 44. P. 65–69.
- Noreña C.F.* 2007. The Social Economy of Pliny's Correspondence with Trajan // *AJPh*. Vol. 128. P. 239–277.
- Padilla Arroba A., Villena Ponsoda M.* 1986. El discurso de Catón en la conjuración de Catilina de Salustio // *EFG*. Vol. II. P. 123–127.
- Salandra A.* 1955. Catone Uticense // *NRS*. Vol. 39. P. 118–132.
- Sørensen V.* 1984. Seneca. The Humanist at the Court of Nero. Edinburgh.
- Spahlinger L.* 2005. Tulliana simplicitas. Zu Form und Funktion des Zitats in den philosophischen Dialogen Ciceros. Göttingen.

Поступила в редакцию / Received 08.01.2023.
 Принята к публикации / Accepted 24.01.2023.
 Опубликовано / Published 27.04.2023.